

Серия
Встречное
движение

* * *

Навсегда ли друг с другом расстаются братья?

Навсегда ли ненависть входит в сердце?

Навсегда ли реки заливают равнины?

Навсегда ли птицы увидели солнце?

Нет с давнишних пор на земле бессмертья,

Мёртвый и спящий друг с другом схожи...

Гильгамеш. Таблица десятая

* * *

Жека крикнул: «Бегом!» — и мы побежали. Все трое, и Жека тоже. Пересекли пустынную парковку торгового центра, взлетели на пешеходный мост, толкая тележки по пандусам с обеих сторон от лестницы, и на середине моста остановились. Мы всегда замираем здесь, над трассой, даже без команды Жеки. Просто хочется стоять и смотреть. Я у перил,

Жека позади, Мишка чуть сбоку, хрипло дышит у моего плеча. Мишка толстоват, ему трудно бегать наравне с нами.

— Почему оно всегда розовое? — в который раз удивился Мишка.

Ответа у нас не было.

Мне, например, всё равно. Розовое небо ничем не хуже голубого. Раньше оно бывало таким на рассвете или когда закат, сейчас — всё время, кроме ночи. Ночь осталась чёрной.

Я перегнулся через перила и плюнул. Проследил за полётом слюны, чтобы увидеть, как внизу, на светло-сером асфальте, появится тёмное пятнышко. Оно — доказательство, что я есть.

Вот бы проехала машина, пусть только одна, пусть далеко, как доказательство, что здесь возможно что-то новое. Но трасса пуста. Мы можем весь день ходить по ней взад и вперёд, ничего не опасаясь, но это скучно, бегать по мосту интереснее. К тому же, с высоты видны дальние холмы, редкие заросли длинного, иссушенного камыша и просоленные пустыри до самого горизонта — нечёткого, будто задымлённого.

Когда становится слишком жарко, соль из земли проступает сильнее и переливается на солнце. Сейчас соли много, издали она похожа на снег. Временами взгляд цепляется за корявое дерево или развалины, но их всего ничего: город в другой стороне, где-то у нас за спинами. Ходить туда лень, тем бо-

лее — по жаре. Жека говорит, что пока здесь всего хватает, город нам не нужен, и мы не спорим. Верить Жеке удобно, можно не напрягаться и просто быть. Как песок, как лето, как колючие шары перекаати-поля. Иногда по ночам мы их поджигаем и запускаем в степь, эти сухие круглые колючки. Ветер гонит их по ровному полю, огонь мечется во тьме, и становится немного жутко. Но это хорошая жуть, вроде восхищения.

— Эй, Кухня, чего тормозишь? — окликнул Жека.

Я обернулся. Мишка уже перешёл мост и собирался спускаться, его тележка стояла на пандусе передними колёсами. Она нормально так смотрелась, доверху набитая разноцветными воздушными шариками, хоть фоткай на рекламные плакаты всяких торжеств. Да, шарики — вроде обещания праздника, Мишка напихал их от души. У меня тот же груз. И у Жеки.

Мы полдня надували эти шарики в детском отделе торгового центра. Нашли в подсобке несколько коробок, уселись на пол и стали надувать. Теперь щёки покалывало, губы потрескались, во рту держался вкус школьных ластиков. Сначала у Мишки не получалось. Мы поржали над ним, но потом научили правильно выталкивать воздух из груди. И увлеклись. Наполнили три тележки шарами, а остальные — сдутые, вроде цветных резиновых тряпочек, — распихали по карманам штанов и под футболки. Ну, правда,

жалко оставлять. На них же надписи типа «Поздравляю!», «Ты лучше всех!», «Улыбнись!» или «С днём рождения!»

— Как будто у меня сегодня день рождения, ладно? — попросил Мишка.

Он младший у нас, заявил, что будет тринадцатилетним, если назначим ему праздник. А мне уже четырнадцать, если время идёт как раньше. Но тут нет уверенности — раз поменялось небо, могло и время. Жека на вид лет шестнадцать, а сколько точно — он не рассказывает.

Жека вообще ничего о себе не рассказывает — говорит, что не помнит. Удобная отмазка. Но и у меня память как решето, и у Мишки, словно мы раньше смотрели фильм, а теперь живём по-настоящему. В головах остались бестолковые кусочки прошлых разговоров, смутные картинки, и всё это вроде к нам отношения не имеет. Фильм же — он про других, вымышленных. Наверное, поэтому наши мозги не очень-то дорожат воспоминаниями, позволяют ветру их выдувать, а пустые места заполнять солёным песком. И если предположить, что мы все устроены одинаково, то Жека вполне мог забыть всё подчистую, он в этих пустошах дольше остальных. Это он нас подобрал — сначала меня, потом Мишку. Были и другие, кого он находил, но потом они свинтили в город. Я застал двух таких парней. Жека и про них не рассказывает. Не хочет.

Не то чтобы я подозреваю Жеку во вранье или не доверяю ему, — просто любопытно. Он часто уходит один, и я замечаю его высокий силуэт на крыше полуразвалившегося фабричного цеха. Жека может по полдня стоять там истуканом. Иногда он будто спит с открытыми глазами у ночного костра — острый подбородок упирается в согнутые колени, плечи ссутулены, и только зрачки поблёскивают за свисающими прядями рыжих волос. Словно Жека вслушивается, ждёт чего-то. Иногда он смеётся без всякой причины. А бывает, становится ужасно болтливым и увлечённо травит байки про инопланетян-захватчиков, восстание зомби, смертельные вирусы, чёрную магию и прочую ерунду. И мы подхватываем, надо же найти объяснение пустырям. Но всё это просто трёп, вроде детских страшилок, так, языки почесать.

А про важное Жека не говорит. И про Девчонку тоже.

* * *

Девчонку шарики не впечатлили, хотя мы на другое и не рассчитывали, потому что она непробиваемая. Ещё потому, что по большому счёту она для нас не существует, — Девчонка сама по себе, мы ничего не берём для неё в торговом центре и не говорим о ней. И когда толкали к дому тележки с шариками, тоже не говорили.

Домом мы называем старую, насквозь проржавевшую баржу. Между ней и торговым центром — крупный дачный посёлок, заброшенный и разорённый. Мы могли бы выбрать любую хибару, но предпочитаем жить на реке. По словам Жеки, так безопаснее, потому что с тыла не подобраться. А ещё нам нравится всякий раз ходить к барже через фабричные руины. Жека называет их «Керамика».

Керамика — не слово, а гладкий черепок с острыми краями, осколок кафельной плитки. Там, где были цеха, торчат к небу высоченные бетонные столбы и гнутые арки из труб, похожие на останки древних чудовищ. Хребты и грудины. Между ними сохранился асфальт, и катить тележки легко. А потом берег и баржа. Носом она цепляется за обрыв, а задней частью проседает в воду, потому что сломана посередине — «Титаник», говорит Жека. Именно там, в задней части, есть металлическая будка с отсеками, в которых можно спать: несколько сырых прохладных комнатушек внизу, узкая лесенка и верхняя палуба. Вообще-то просто крыша будки, но как хотим, так и называем. Поэтому — палуба.

Когда мы добрались до баржи, Жека первым поднялся на борт и принял тележки. С ними всё ясно — утопим для развлечения, но что делать с шарами?

— Я знаю, — сказал Мишка. — Заполним яму.

От будки и до самого носа тянется грузовая часть баржи. Вроде продолговатой ямы — здоровен-

ный открытый трюм. Если налить воды, будет бассейн с гладкими округлыми стенками. Но он сухой, и Мишка придумал вывалить туда шарики, а я мигом представил, как мы в них потом занырнём.

— Давай! — согласился я и начал разгружать свою тележку.

И вот мы стоим рядом и смотрим, как шарики мягко ударяются о коричневое дно трюма, подпрыгивают и оседают внизу. Жалкое зрелище. В тележках их было много, но глубокая грузовая яма превратила шары в горсточку разноцветного мусора. Поглотила их.

— Да, — только и сказал я. — Фигово.

Жека ничего не сказал — он вытряхнул сдутые шарики из карманов и из-за пазухи Мишке под ноги.

— Точняк! — обрадовался Мишка. — Надуем все, и тогда хватит.

— Это вряд ли, — хмыкнул я.

— Вот и посмотрим. Поможешь?

— Сейчас, что ли? Я купаться. Жарко.

Ещё баржа хороша тем, что не надо никуда ходить, достаточно прыгнуть в воду с борта — и помылся, и освежился. За спиной плеснуло, я обернулся на Жеку, но никого не увидел. Даже по гулкому железу нашего судна он передвигается беззвучно, как камышовый кот.

— Жека в речку бултыхнулся. Погнали плавать! Давай, последний ловит!

— Нет, мне надо шарики... — упёрся Мишка.

— Успеешь ещё.

— Нет. Когда сделаю, будет день рожденья.

Вот он заморочился! Я влез на узкий борт и обрушился в тёплую воду, а когда выплыл из жёлтой глубины на поверхность, услышал Мишкин нарочито бодрый голос: «Хочешь, научу надувать? Это не трудно, иди сюда».

Но Девчонка не ответила и не пошла. Мне не надо там быть, чтобы убедиться, и так знаю. Она вроде пугливого привидения. Жека сказал, что Девчонка не немая, хоть мы никогда не слышали её голоса. И сказал ещё, что она нормальная, в смысле — с головой всё в порядке. Но я хочу, чтобы она ушла. Всё равно куда, лишь бы отсюда.

Жека Девчонку не приводил. В тот день мы вместе обрывали алычу и абрикосы в дачных садах, а когда вернулись, она была на барже. Сначала, ещё в бетонных дебрях Керамики, мы увидели дым, он поднимался струйкой от берега и уползал в розовое небо. Я напрягся, Мишка тоже, Жека потянул носом и слегка улыбнулся. Тогда и мы принялись, но ничего не почувствовали. А Жека сказал: «Кухня, кажется, тебя потеснили».

Девчонка сидела на верхней палубе возле огня. Это Жека придумал разводять костёр повыше: ему нравится, когда далеко видно, словно мы на сторожевом посту. Идиотизм, конечно, потому что разумные люди не станут таскать ветки и доски с заброшек

на баржу, а потом ещё по узкой лестнице наверх, но мы таскали. Мы и кирпичи туда приволокли, чтобы выложить что-то типа очага, и железную решётку. На этой решётке и стояла помятая кастрюля, в которой Девчонка помешивала палкой. «Эй, привет!» — крикнул Мишка. Девчонка медленно повернулась и выставила палку перед собой, будто защищалась. И тогда я сказал: «Тебе что тут надо?»

Девчонка дёрнулась, отбросила волосы с лица и оказалась совсем мне незнакомой. Невысокая, с тощими руками и ногами, тёмно-коричневая или от загара, или от грязи, одетая в длинное цветастое платье. Смутная тревожная мысль вильнула хвостом и исчезла, я обознался, но уже не мог отступить. Ей здесь не место, нам не нужны проблемы. «Я тебя спрашиваю!» — упорствовал я, но мы все не шевелились: она на верхней палубе, мы на берегу. «Ты её испугал», — упрекнул Мишка. Он наверняка не понял, почему я разозлился. Я и сам не очень-то понимал. «Самое время пообедать», — подвёл черту Жека и прыгнул на нос баржи.

Так Девчонка осталась с нами.

* * *

— Она украла шарик, я засёк, но не стал отнимать. Мне он погоды не сделает. Пусть.

И Мишка принялся долго и нудно расписывать, как вырубился возле грузового трюма, потому что